

ДАНИИЛ
МОРДОВЦЕВ

*Русские женщины
в истории
XVIII век*

АЗБУКА-КЛАССИКА
NON-FICTION

Азбука-классика. Non-Fiction

Даниил Мордовцев

**Русские женщины в
истории. XVIII век**

«Азбука»

2025

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

Мордовцев Д. Л.

Русские женщины в истории. XVIII век / Д. Л. Мордовцев —
«Азбука», 2025 — (Азбука-классика. Non-Fiction)

ISBN 978-5-389-29440-0

Женщина, как чувствительный барометр, отражает состояние общественной атмосферы, характер и направление исторической эпохи, полагал Даниил Лукич Мордовцев – беллетрист, публицист, историк, один из популярнейших во второй половине XIX – начале XX века авторов исторической прозы и научно-популярных монографий. В числе последних особое место занимает сборник очерков «Русские исторические женщины». Переработав множество источников – свидетельства очевидцев и историков, дневниковые записи, частную переписку, – автор с присущим ему литературным мастерством создает чрезвычайно увлекательный и живой текст, обаяние и занимательность которого и теперь вполне объясняют грандиозную популярность сочинений Мордовцева у читателей его времени, прерванную лишь приходом новой власти и главенством нового ракурса изучения истории. В настоящее издание вошли очерки о женщинах, оставивших след в истории России XVIII века. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-389-29440-0

© Мордовцев Д. Л., 2025
© Азбука, 2025

Содержание

Русские женщины первой половины XVIII века	6
I. Анна Монс (Баронесса Анна Ивановна фон Кейзерлинг, урожденная Монс)	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Даниил Мордовцев
Русские женщины в истории. XVIII век

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

* * *

Русские женщины первой половины XVIII века

Анне Никаноровне Мордовцевой,

Вере Даниловне Мордовцевой,

Наталье Иосифовне Первольф

с любовью посвящает муж, отец и дедушка – автор

І. Анна Монс (Баронесса Анна Ивановна фон Кейзерлинг, урожденная Монс)

Число русских исторических женщин допетровской Руси было так невелико, что в течение долгих восьми столетий, от Рюрика и до Петра, русская земля выставила на страницы истории только несколько имен женщин, бледные и неясные облики которых или освещались чужим, заимствованным от других исторических лиц светом, или же проходили перед нами как исторические тени, безлично, почти безобразно, без ясных очертаний.

Последние из них, как царица Софья Алексеевна или Матрена Кочубей, сошли в могилу с тяжелым сознанием, что время их отошло: одна жаловалась, что горько теперь им стало жить, когда волна новой жизни нахлынула на них и захлестнула их, еще полных энергии, но борющихся против девятого вала эпохи, говоря образным языком народа; другая не могла не тосковать, видя гибель всего, что она любила, и замену иными порядками тех, к которым она привыкла в своей поэтической Украине.

Отходящих женщин вытесняли собою другие, более современные, более молодые, и, заняв их места, затирали даже след своих предшественниц в памяти людей, не имея только силы окончательно затереть след их в истории.

Такие личности, как царица Софья Алексеевна или царица Авдотья Федоровна Лопухина, с одной стороны, в Великой России вытесняются более молодыми женскими силами, как «вывезенная из немцев Анна Монсова», Матрена Балкша, Марта Скавронская и целая фаланга женщин русских и обрусевших, с другой – в Малой России – у гетманской булавы вместо несчастной и поэтической украинки Матрены, возлюбленной Мазепы, появляются другие, более современные, хотя менее поэтические украинки, как гетманша Настасья Марковна Скоропадская, просящая у русской царицы для себя маетностей – «несколько изобильных деревень и угодий», или «дочка» этой гетманши, нежинская полковница Толстая, вышедшая замуж за великорусского вельможу и свою украинскую фамилию променявшая на московскую.

С начала XVIII века петровские порядки и петровские женщины вступают в свои права и всецело оттесняют собою и отжившие свой век допетровские порядки, и отживших свою скромную долю допетровских женщин.

Вместо княгинь, княжон, боярынь, боярышень, цариц, царевен, великих княгинь, а чаще инокинь и стариц являются баронессы, графини, генеральши, генеральские дочери, фрейлины и так далее.

Одной из первых между этими новыми русскими женщинами, так сказать заметавшими собою след допетровской русской женщины, является – по времени – баронесса Анна Ивановна фон Кейзерлинг, русская немка из московской немецкой слободы, урожденная девица Монс.

Сама по себе это была личность далеко не крупная и даже далеко не симпатичная, так что не ее именем желательно было бы украсить первую страницу истории русских женщин или список исторических женщин в России, а одним из имен более симпатичных и более высоких, которые могла бы выставить русская земля за последние полтора столетия и с которыми мы встретимся далее в наших очерках; но мы не имеем права обходить ни одного имени, более или менее повлиявшего, хотя бы даже отрицательно, на ход наших исторических судеб, если бы даже влияние это было и не личное, не непосредственное, а рефлексивное, через другие исторические личности, как именно и выразилось отрицательное влияние на поступательный ход русской общественной жизни баронессы фон Кейзерлинг: хронологически она первая наступает своей ногой на стирающийся уже след русской женщины отживавшего старого цикла – она же по праву первой явится и в собрании русских женщин нового исторического цикла.

Баронесса фон Кейзерлинг, более известная по своему девическому имени как Анна Монс, была дочь Иоанна Монса, уроженца города Миндена, что на Везере, по свидетельству

одних писателей – виноторговца и бочарных дел мастера, по другим – мастера золотых дел. Монс с женой Модестой выехал в Россию в половине XVII столетия и поселился в Москве, в немецкой слободе, известной тогда под именем «Кукуй-городка». Монсы имели трех сыновей, из которых наиболее известен своей судьбой и трагической смертью младший, Виллим, и двух дочерей – Модесту, или Матрену, как ее называли русские, и Анну.

Обе дочери, как и все семейство Монсов, отличались замечательной красотой.

Лефорт, будущий сподвижник царя-преобразователя, был близко знаком с семейством Монсов, а с Анной, по свидетельству тогдашнего австрийского посла Гвариента, этот умный женеvec находился в самой интимной дружбе, какая только возможна между женщиной и женщиной.

«Впоследствии, – говорит другой современный писатель и воспитатель царевича Алексея Петровича, Гюйссен, – когда при стрелецком восстании Лефорт выказал свою приверженность царю и был за то награжден высокими государственными званиями, тогда он из похвального великодушия остался признательным к Монсам, возвышал их, вообще старался сделать эту фамилию соучастницей своего счастья».

Лефорт, всегда умевший среди серьезных занятий доставить молодому царю и соответственные развлечения, свел своего впечатлительного питомца с московскими немцами, и в особенности с красивою семьею Монсов.

Петру понравились обе девушки-немочки; но красавица Анна произвела на него более глубокое впечатление, чем старшая сестра, – и впечатление это было едва ли не роковой минутой для всей последующей жизни царя-преобразователя.

Знакомство его с Анной Монс относят к 1692 году. Одновременно с этим замечают уже и охлаждение царя к его первой супруге, Авдотье Федоровне Лопухиной, которая во время его беспрестанных мыканий из конца в конец русской земли и во время «потешных» экспедиций по Белому морю тоскует о своем «лапушке свет-Петрушеньке» и шлет ему исполненные глубокой скорби письма.

«Только я бедная, на свете бесчастная, что не пожалуешь, не пишешь о здоровье своем. Не презри, свет мой, моего прошения».

Но Петра больше тянет уже на немецкую слободу, в скромный домик Монсов, а не во дворец, где его ждет плачущая царица.

Следуют потом походы Петра под Азов; но и в разлуке он не забывает красавицу немецкой слободы. Петр уезжает путешествовать по Европе и учиться западной цивилизации с топором и пилой в руке. И там, среди чудес Европы, он не забывает своей «Аннушки».

Между тем в России в отсутствие царя вспыхивает стрелецкий бунт.

Царь быстро возвращается домой, везя с собой страшную грозу и неслыханную кару для изменников. 25 августа 1698 года он явился в Москву, но даже и не заехал в тот день во дворец, а посетил только Анну Монс.

«Крайне удивительно, – писал австрийский посол Гвариент, – что царь, против всякого ожидания, после столь долговременного отсутствия еще одержим прежней страстью: он тотчас по приезде посетил немку Монс».

Напротив, в этом нет ничего удивительного: «великий работник» русской земли умел глубоко любить, так глубоко, как глубоко любил он все, что охватывало его страстную природу; полюбив раз, он уже не умел разлюбить, подобно натурам мелким, непостоянным; Петр глубоко любил только двух женщин: Анну Монс, а потом Марту Скавронскую – императрицу Екатерину Алексеевну, – и любил их до могилы. Не правы те историки, которые приписывают «царю-работнику» какую-то недостойную его ветренность.

Нам известно, что потом было, когда царь исследовал стрелецкую измену: представителей старого русского ратного дела, стрельцов, постигли ужасные казни; царица Евдокия заточена в монастырь; царевна Софья, одна из наиболее цельных и неподатливых женщин-лично-

стей допетровского времени, тоже исчезла в монастыре под рясой монахини и под скромным именем сестры Сусанны.

С той поры Петр весь отдается своей привязанности к молодой представительнице нового типа русской женщины, к Аннушке Монцовой, и, по свидетельству современников, преимущественно иностранцев, девушка стоила этой нежной привязанности великого человека. Все иностранцы отзываются о ней с большими похвалами, и, без сомнения, в ней было что-либо достойное любви такого человека-великана, каков был Петр.

«Особа эта, – говорит один из современников, – служила образцом женских совершенств: с необыкновенной красотой она соединяла самый пленительный характер; была чувствительна, но не прикидывалась страдальцей; имела самый обворожительный нрав, не возмущаемый капризами; не знала кокетства; пленяла мужчин, сама того не желая; была умна и в высшей степени добросердечна».

Они же уверяют, что девица Монс была так безупречна в своих дружеских отношениях к Петру и так целомудренно-сдержанна, что вследствие этой холодности сама лишила себя трона, который она, без сомнения, разделила бы с царем-преобразователем, если бы не оттолкнула его от себя предпочтением ему другой личности, которую она действительно полюбила: царя же, говорят, она не любила, а только умела ценить его любовь к ней, отвечала ему теплой дружбой и умела пользоваться добрым чувством всеильного властелина русской земли.

Между тем русская земля, в особенности же Москва, косо смотревшая на преобразования царя, на немецкий покрой платья и на внимание, оказываемое им, в лице немцев, всей цивилизованной Европе, совершенно иначе смотрела на эти отношения царя к молодой кукуйской красавице.

– Видишь, – говорил один москвич другому, – какое бусурманское житье в Москве стало: волосы накладные завели, для государя вывезли из немецкой земли немку Монсову, и живет она в лэфортовых палатах, а по воротам на Москве с русского платья берут пошлину от той же немки.

– Относил я венгерскую шубу к иноземке, к девице Анне Монсовой, – говорил немец, портной Фланк, аптекарше Якимовой, – и видел в спальне ее кровать, а занавески на ней золотые.

– Это не ту кровать ты видел, – замечала аптекарша, – а вот есть другая, в другой спальне, в которой бывает государь: здесь-то он и опочивает...

Тут Якимова, как значится в современном следственном деле, начала говорить «неудобь сказываемые» слова.

– Какой он государь, – говорил также о Петре колодник Ванька Борлют, – какой он государь! Бусурман! В среду и пятницу ест мясо и лягушек. Царицу свою сослал в ссылку и живет с иноземкой Анной Монсовой.

Весной 1699 года Петр вновь отправился в поход под Азов, и, несмотря на свои ратные и государственные труды и заботы, успевал переписываться с своей любимицей, которая так же отвечала ему охотно своими скромными, почтительными и, видимо, сдержанными посланиями, в коих большей частью говорится то о присылке «милостивому государю» апельсинов и «цитронов», чтоб он их «кушал на здравие», то о высылке «цедреоли»; но тут же девушка заговаривает и об государственных делах – она уже является ходатайницей за других особ, за лиц из высшего государственного круга.

В высокой степени любопытны эти письма, характеризующие и время, и женщин того времени, а в особенности женщину, которая могла бы, если бы пожелала, разделить трон царя-преобразователя.

«Милостивейшему государю Петру Алексеевичу.

Подай Господь Бог тебе милостивому государю многолетнего здравия и счастливого пребывания.

Челом бью милостивому государю за премногую милость твою, что пожаловал обрадовать и дать милостиво ведать о своем многолетнем здравии чрез милостивое твое писание, об котором я всем сердцем обрадовалась, и молю Господа Бога вседневно о здравии твоём и продолжении веку твоего государева, и дай Бог, чтобы нам вскоре видать милостивое пришествие твое, а что изволишь писать об цедреоли, и я ожидаю в скором часе, и как скоро привезут, то не замешкав пошлю, и если бы у меня убогой крылья были, и я бы тебе милостивому государю сама принесла.

Прошу у тебя милостивого государя об вдове Петра Салтыкова, что дело у них с Лобановым, если угодно и воля твоя пожаловать меня убогую, чтобы дело то перенес из семеновского в другой приказ, а буде тебе государю не нравно, и милости прошу чтоб до твоего государского пришествия людей той вдовы Салтыковой не трогать и на правеже не бить. Мне, государь, от ней упокою нет. Непрестанно присылает с великими слезами. Пожалуй, государь, не прогневайся, что об делах докучаю милости твоей.

Засим здравствуй, милостивой государь, на множество лет.

Sein getreue dinnerin bet in mein tod.

der 28 may¹. А. М. М.».

На адресе этого письма написано: «An myn Heer grot commandeur Peter Alexewitz asoff»². В другом письме, посылая царю «четыре цитрона и четыре апельсина», чтоб государь «кушал на здоровье», девушка просит, чтоб он не забывал о ней.

«Милостивейшему государю Петру Алексеевичу.

Подай Господь Бог тебе милостивому государю многолетнего здравия и счастливое пришествие.

Прошу у тебя государя, дай милостиво ведать о своем государском многолетнем здравии, чтоб мне бедной о таком великом здравии всем сердцем обрадоваться.

Посылаю я к тебе милостивому государю четыре цитрона и четыре апельсина, подай Господь бы тебе милостивому государю кушать на здоровье.

А о цедреоли не прогневайся государь, что не присылаю, во истинно по сю пору не бывала, и вельми об этом печалюся, что по сю пору не бывало.

Засим остаюсь раба твоя bet in mein tod.

Anno 1699 dem 8 iuni³. А. М. М.».

Посылает она наконец ящик давно ожидаемой «цедреоли» и вновь пишет:

«Милостивейший государь.

Подай Господь Бог тебе, милостивому государю, многолетнего и благополучного здравствования.

Послала я к тебе милостивейшему государю ящик с цедреоли двенадцать скляниц. Дай Боже тебе милостивому государю на здравие кушать, рада бы больше прислала, да не могла достать.

Ver bleib sein getreuste dinnerin bet in mein tod⁴. А. М.».

Петр отвечает своей любимице на ее письма, и девушка вновь шлет ему послание, все такое же сдержанное, полуофициальное:

¹ Ваша покорная служанка до гроба. 28 мая(нем. диалект.).

² Мою армию главнокомандующему Петру Алексеевичу лично(нем. диалект.).

³ ...до гроба. Года 1699-го 8 июня(нем. диалект.).

⁴ Остаюсь Вашей покорной служанкой до гроба(нем. диалект.).

«Милостивейшему государю.

Подай Господь Бог тебе милостивому государю многолетнее здравие и счастливое пребывание.

Челом бью милостивому государю за премногую милость твою, что пожаловал дать милостиво ведать о своем многолетнем здравии чрез милостивое свое письмо, о котором всем сердцем обрадовалась, и молю Богу вседневно о продолжении веку твоего государева. Прошу у тебя милостивого государя, пожалуй прости вине моей, меня убогую рабу свою, что к милости твоей писала о деле Салтыковой вдовы, я о том опасна чтоб впредь какова гневу не было от тебя милостивого государя чтоб так дерзновенно делала.

Sein getreue dinneren bet in mein tod.

Dem 25 iuly⁵. A. M. M.».

Наконец девушка решается заговорить с своим повелителем и возлюбленным о делах более серьезных: она напоминает ему об обещании сделать ее помещицей – записать за ней из дворцовых сел волость.

«Благочестивый великий государь царь Петр Алексеевич, милостивно здравствуй, о чем государь и милости у тебя государя просила, и ты государь позволил приказал Федору Алексеевичу выписать из дворцовых сел волость и Федор Алексеевич по твоему государству указу выписав послал к тебе государю чрез почту, и о том твоего государева указу никакого не учинено. Умилостивися государь царь Петр Алексеевич для своего многолетнего здравия и для многолетнего здравия царевича Алексея Петровича свой государев милостивый указ учини.

Ich ver suche mein gnadigste herr und vater seytn mein gnadige bitt nit af urn Gottes widen posalu mene sein undergnadigste dienerrin bet in mein tod.

Dem 11 september⁶. A. M. M.».

Кроме государевых волостей, девушка получала от своего высокого друга и другие доказательства его любви к ней: так, Петр пожаловал ей с матерью ежегодный пенсион в 708 рублей, что при бережливости, даже скупости царя-преобразователя и при постоянной нужде его в деньгах, которых так много требовалось на постройку кораблей, на прорытие каналов, на возведение крепостей, на посылку молодых вельмож за границу и нескончаемые войны со шведами, представляло тогда солидную субсидию. Мало того, государь построил своей любимице огромный каменный палаццо, в самой немецкой слободе, недалеко от немецкой кирки, чтоб его возлюбленной ближе было ходить в церковь. Наконец, государь подарил ей свой портрет, осыпанный бриллиантами, ценностью в тысячу рублей – и это было тогда, когда молодой супруге царевича Алексея Петровича буквально было нечем кормиться, как мы увидим ниже.

Осыпанное милостями царя, семейство Монсов скоро стало злоупотреблять своим влиянием, в чем, по всем вероятностям, наиболее виновата была мать девушки, по-видимому очень корыстолюбивая старуха. Корыстолюбие, впрочем, замечается и в характере самой девушки.

Монсы начали вмешиваться в государственные дела, ходатайствовали по присутственным местам за себя и за других – и в виду дружбы к ним государя все государственные люди спешили сделать им все угодное. По свидетельству Гюйсена, воспитателя царевича Алексея, в присутственных местах даже принято было за правило, что если madame или mademoiselle Montzen имели какое-либо дело или тяжбу, будь это их собственное дело или их друзей, то об

⁵ Ваша покорная служанка до гроба. 25 июля(нем. диалект.).

⁶ Усердно стараюсь не утрудить моего милостивейшего господина и отца смиренной просьбой во имя Господа, Ваша низжайшая до гроба преданная служанка. 11 сентября(нем. диалект.).

этом делались особенные *reflexions salva justitia*⁷, и Монсы так широко воспользовались этим снисхождением царя, что стали мешаться в дела нашей внешней торговли, ходатайствовать за иноземных купцов, набирать себе через это большие деньги и ставили себя в совершенно исключительное положение.

Трудно винить в этом случае девушку: она, надо полагать, пользовалась своим влиянием в подобных нечистых делах совершенно невинно, руководимая своей корыстной матерью.

Вот один из примеров влияния девушки на царя.

В Москве состоял на службе артиллерийский полковник, иноземец Краге. Однажды пьяный гайдук Краге в присутствии господина избил и изуродовал минера Серьера. Гайдука за это наказали кнутом, но Серьер не удовольствовался этим наказанием и по выздоровлении от увечья подал счет на Краге – во что ему обошлось лечение. Серьер в ходатайстве своем прибегнул к помощи *frauen Monsin* и ее дочери; но австрийский посол Гвариент два раза успел защитить Краге, и Серьеру было отказано в его претензии. Тогда Серьер, воспользовавшись случайной ссорой Краге с девицей Монс, вызвался быть ходатаем по делам семейства Монсов и заведовать их хозяйством. За это девушка настойчиво ходатайствовала за него у царя, и Петр, «вопреки двукратному отказу в претензии минеру, приговорил Краге к штрафу в 560 рублей» – огромный по тому времени штраф!

Но девушка все-таки неискренно любила царя: она действительно была только его «верная» и «убогая раба», его «*getreuste dinnerin*» – служительница; но девическое сердце ее избрало другого, хотя царь и не знал долго об измене своей любимицы, потому что продолжал осыпать ее щедрой рукой, подарив уже в 1703 году своей «Аннушке» еще одно поместье – село Дубино в Козельском уезде – 295 крестьянских дворов со всеми угодьями.

Девушка полюбила саксонского посланника Кенигсека.

В 1702 году Кенигсек, вероятно прельщенный выгодами службы в России и, может быть, побуждаемый любовью к красавице Монс, вступил на русскую службу. Он сопровождал царя в походах, был в числе его иноземных любимцев и учителей русского народа.

Но трагическая кончина Кенигсека открыла Петру глаза: он узнал, что его Аннушка любила покойника.

Вот как открылась тайна девицы Монс:

«В один роковой день (так или почти так говорит об этом происшествии леди Рондо, жена английского резидента, в письме к одному своему другу в Англию в 1730 году) государь возвращался с осмотра строившейся крепости; при переходе через подъемный мост польский министр (это и есть Кенигсек), сопровождавший вместе с другими государя, упал в воду, и, несмотря на все усилия спасавших его, утонул. Когда труп вытащили из воды, государь вынул из кармана утопленника бумаги, сначала велел их запечатать, а потом, при разборе бумаг покойника, не без удивления увидел между ними портрет своей любимицы; затем нашел несколько самых страстных писем ее к покойнику. Пылая гневом и ревностью, государь вбежал в комнату к моей рассказчице (к знакомой леди Рондо) и приказал привести Анну Монс. Когда она вошла, Петр запер дверь и грозно спросил: „Для чего ты писала к поляку?“ Та заперлась. Петр показал письма, портрет и объявил о смерти своего противника. Услышав роковую весть, красавица залилась слезами и впала в непритворное молчание, между тем как царь осыпал ее самыми резкими укорами и пришел в такой гнев, что можно было подумать, что он убьет изменницу на месте. Когда первый пыл гнева прошел, слезы и красота Монс победили государя, и он сам заплакал. Тогда, простив неверную, он со слезами сказал: „Забываю все. Я не могу тебя ненавидеть – виню собственную доверчивость. Продолжать мою связь – значит унижать себя. Прочь! Я сумею примирить страсть с рассудком. Ты ни в чем не будешь нуждаться, но я с этих пор не хочу тебя видеть“. Петр сдержал слово: Анна Монс выдана была замуж за

⁷ Обхождения закона во имя справедливости(*лат.*).

одного служащего, получившего хорошее место в отдаленной провинции; монарх заботился об их семейном счастье до конца жизни и оказывал им постоянно свою любовь».

По всей вероятности, рассказ этот изукрашен романтическими подробностями; но основа его верна: леди Рондо писала это только через пятнадцать лет после смерти Анны Монс.

Знаменитый Миллер подтверждает этот рассказ, хотя передает его как вариант на повествование леди Рондо.

Миллер так рассказывает этот трагический случай:

«При осаде Шлиссельбурга Петр узнал, что обворожительная *domicella*⁸ Монс ему не верна и что она вела переписку с саксонским посланником Кенигсеком. Кенигсек провожал государя в этом походе и однажды поздно вечером, проходя по узенькому мостику, переброшенному через небольшой ручей, оступился и утонул. Первая забота государя при известии о смерти Кенигсека была осмотреть бумаги, бывшие в карманах покойника; в них государь надеялся найти известия относительно союза его с королем Августом и вместо них нашел нежные письма своей фаворитки. *Domicella* Монс слишком ясно выражала свою преступную любовь к Кенигсеку – сомнения быть не могло. О портрете тайная история умалчивает. После этого случая государь уже не хотел знать неверную фаворитку, и она таким образом лишилась большого счастья, если бы сумела превозмочь неосторожную склонность к Кенигсеку».

Сохранилось о трагической смерти соперника Петра собственноручное письмо государя. Надо полагать, что письмо писано было им Ф. Апраксину в тот самый момент, когда труп Кенигсека был только вытасчен из воды, а бумаги еще не были распечатаны или Петр не читал их, пока они не просохли.

«Здесь все изрядно милостью Божиею, – писал он из Шлиссельбурга 15 апреля 1703 года, – только зело несчастливый случай учинился за грехи мои: первый – доктор Лейм, а потом Кенисен, который принял уже службу нашу, и Петелин утонули внезапно, – и так вместо радости – печаль».

Но более глубокая печаль, только уже не о Кенигсеке, а о себе самом, должна была посетить государя, когда он разобрал бумаги утопленника и нашел в них то, чего не ожидал.

В первые минуты гнева Петр приказал арестовать свою любимицу и ее сестру Матрену в собственном доме Монсов. Обе женщины отданы были под строгий надзор князя-кесаря Ромодановского, и им запрещено было посещать даже кирку.

Три года томилась неосторожная девушка в своем печальном заточении. Томилась с ней и сестра ее, и равно сидели под арестом и другие лица, человек до тридцати, которые так или иначе прикосновенны были «к делу Монцовой».

Тяжело было девушке с такой высоты упасть так низко в глазах всей Москвы: тяжкая опала всегда была тяжка для подпадавших под эту опалу, под эту «грозную сиверку».

Сидя в заточении, девушка, как и древнерусские, да и почти все женщины на свете, стала прибегать к гаданиям по разным «тетрадкам», конечно мистическим, к ворожбе, к привораживанию, к чародейным перстням, лишь бы отвратить от себя «грозную сиверку» и опять приворотить к себе сердце государя. «Стали они, Монсы, – говорит современник, – пользоваться запрещенными знаниями и прибегали к советам разных женщин, каким бы способом сохранить к их семейству милости царского величества».

Но все было напрасно: колдовство оказалось бессильным против Петровой «сиверки».

«Хотя за подобные поступки, – писал в 1706 году Гюйссен, – за колдовство и ворожбу в других государствах было бы определено жесточайшее наказание, однако его царское величество, по особенному милосердию, хотел, чтоб процесс о Монсах был совершенно прекращен,

⁸ *Domicella* – принятое в некоторых европейских странах почтительное название незамужней женщины, происходящее из Древнего Рима.

и только *ex capite ingratitude*⁹ Монсов отобраны деревни, и каменный палаццо отошел впоследствии под анатомический театр. Драгоценности же и движимое имущество, очень значительное, были оставлены им, за исключением одного только портрета, украшенного бриллиантами».

Но девушка, несмотря на смерть своего прежнего возлюбленного, несмотря на царскую опалу, имела человека, который тоже любил ее, – это прусский посланник барон фон Кейзерлинг. Видно, слишком много было очарования в этой молодой женщине и, без сомнения, было немало и нравственных достоинств, если так велико оказывалось ее обаяние даже тогда, когда всем известны были ее прежние отношения к царю, и ее тайная любовь к покойному Кенигсеку, и, наконец, упавший на нее позор царской «сиверки».

В 1706 году Головин доносил царю, что посланник фон Кейзерлинг челом бьет, «чтоб Анне Монсовой и сестре ее Балкше (Матрене, бывшей уже замужем за Балком) дано было позволение ездить в кирху, и Балкову жену, буде можно, отпустить к мужу: сие просит он для того, чтобы все причитают несчастье их ему, посланнику», то есть любви и дружбе его к Анне Монс.

– О Монше и сестре ее Балкше, – отвечал царь, – велел я писать Шафирову, чтоб дать ей позволение в кирху ездить, и то извольте исполнить.

Анна Монс и сестра ее Матрена Балк были наконец освобождены.

Но в казематах еще сидели прикосновенные к «делу Монцовой».

– С тридцать человек сидят у меня колодников по делу Монцовой: что мне об них укажешь? – спрашивал в 1707 году князь-кесарь Ромодановский царя.

– Которые сидят у вас по делу Монцовой колодники, и тем решение учинить с общего совету с бояры по их винам смотря, чего они будут достойны, – отвечал Петр.

Но прежними милостями царя девушка не могла уже пользоваться. «Монсы, – писал Гюйссен, – живут свободно, но уже не могут рассчитывать и не имеют на то права, чтоб оказанные им сначала милости остались при них на вечные времена».

Да царю уже было теперь не до «Аннушки»: с 1705 года его посетила уже едва ли не последняя и самая глубокая привязанность, какую только мог иметь этот далеко не столь непостоянный в своих отношениях к женщинам царь-работник, каким его изображают новейшие его порицатели: Петр любил уже впоследствии знаменитую молодую пленницу Марту Скавронскую, или, как потом он называл ее, «Катерину Василефьскую», сделавшуюся потом императрицей-государыней Екатериной Алексеевной Первой. Может быть также, что в этой привязанности он искал забвения той, которая ему изменила и в которой он так глубоко обманулся.

Анна Монс, с своей стороны, считалась уже в это время невестой прусского посланника Кейзерлинга, хотя и это обстоятельство, по-видимому, оставалось тайной для царя, который едва ли мог окончательно вытеснить из сердца свою первую серьезную привязанность к той, которую он действительно любил и которой верил более десяти лет: в самом деле, трудно обвинить в непостоянстве человека, который любил одну женщину десять лет, имея притом столько соблазнов полюбить любую красавицу своего двора, всего своего государства и любую женщину во всей пространной Европе, которую Петр исколесил и как царь, и как простой корабельный плотник.

Этого-то постоянства и честного чувства к женщине и боялся молодой фаворит царя, знаменитый «Алексашка», впоследствии светлейший князь Александр Данилович Меншиков, который строил все свое благополучие на той вероятной мысли, что царь так же глубоко может привязаться и к находившейся у Меншикова пленнице Марте Скавронской, как глубоко был он привязан к «Монше», или к его любимой «Аннушке Монцовой».

⁹ В расплату за неблагодарность (*лат.*).

Понятно, почему в 1707 году Кейзерлинг крупно поссорился с Меншиковым из-за своей невесты, о которой он хлопотал у царя, а «Данилыч» ему препятствовал в этом, стараясь поддержать гнев царя к своей прежней любовнице. Понятно также, почему один из современников этого события, Нейбауер, писал в виде угрозы, что «о поступке царя с девицей Монс, с своей возлюбленной, когда к ней несколько стал близок посланник Кейзерлинг, будет известно из ежедневных газет» – грозил, значит, гласностью.

Как бы то ни было, но царь, даже познакомившись с Мартой Скавронской, все еще не мог выгнать из своего упрямого сердца прежнюю привязанность – свою Аннушку, между тем как Аннушка так же упрямо и еще упрямее после своего заточения продолжала быть холодна к царю.

«Меншиков и Екатерина рисковали потерять все, – говорит Гельбиг, – если бы красавица уступила. Меншиков употреблял весь свой ум, чтоб воспрепятствовать намерениям Петра. Ему, вероятно, пришлось бы отступить пред пылкой страстью своего властителя, если бы самая твердость девушки не помогла желаниям Меншикова и Екатерины. Если Екатерина при посредственной любезности сумела возвыситься до звания русской императрицы, то более чем вероятно, что прекрасная Монс с своими превосходными качествами гораздо бы скорее достигла этой великой цели. Но она предпочла судьбу и возлюбленного Кейзерлинга. И первая, и последний очень и очень превосходили происхождение и ожидание девушки, но все же были к ней ближе, чем престол и царь: она тайно обручилась с прусским посланником Кейзерлингом. Петр узнал об этом, когда только что собирался отправиться куда-то на бал; узнал из перехваченного письма, в котором Анна жаловалась на неотвязчивость монарха. Это несчастное открытие превратило любовь его в гнев. Государь отправился на бал, встретил красавицу и представил ей чувствительное доказательство своего неудовольствия. Больно видеть, – продолжает Гельбиг, – что этот великий человек, которому охотно простят какую-нибудь опрометчивость, имел низость потребовать подаренный дом обратно. Чтобы не подвергнуть ее новым неприятностям, Кейзерлинг решился тотчас же на ней жениться, но в это самое время впал в жестокую болезнь, которая и свела его в могилу; впрочем, он, как честный человек, исполнил свое обещание: уже будучи на смертном одре, он обвенчался с прекрасной Монс, после чего вскоре и умер. Вдова его осталась в Москве, где скончался ее супруг. Она проводила свои дни вдали от двора, с достоинством, в тиши домашней жизни, и погруженная в воспоминания о своих последних несчастных обстоятельствах, и умерла там же».

Гельбиг несколько изукрасил свой рассказ вопреки истине. Анна Монс вышла замуж за Кейзерлинга 18 июня 1711 года, а Кейзерлинг скончался 11 декабря в Стольпе, по дороге в Берлин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.